

Лекция 1. Основная ориентация курса: исследование биовласти

11 января 1978 г. Основная ориентация курса: исследование биовласти. — Пять соображений относительно анализа властных механизмов. — Система законности, дисциплинарные механизмы и устройства безопасности. — Два примера: (а) наказание за воровство; (б) лечение проказы, чумы и оспы. — Главные признаки устройств безопасности [I]: пространства безопасности. — Пример города. — Три примера планировки городского пространства в XVI и XVII века: (В оригинале, судя по всему, опечатка — должно быть: «в XVII и XVIII веках». — Прим. пер.) (а) «Метрополитен» Александра Леметра (1682); (б) город Ришельё; (в) Нант

В этом году я хотел бы начать исследование предмета, ранее, в какой-то мере в предварительном порядке, обозначенного мной как биовласть [1] и представленного, на мой взгляд, достаточно важной группой феноменов, а именно совокупностью механизмов, посредством которых то, что определяет основные биологические признаки человеческого вида, может проникать внутрь политики, внутрь политической стратегии, внутрь генеральной стратегии власти. Я, иначе говоря, хотел бы выяснить, каким образом социум, в лице новых западных обществ начиная с XVIII века опять стал принимать в расчёт данный фундаментальный биологический факт: человеческий род есть человеческий вид животного царства. В сущности, именно это я и назвал и по-прежнему называю словом «биовласть». Так вот, сначала, если угодно, некоторое число соображений — соображений в смысле

важных замечаний, отнюдь не преследующих, однако, цели формулировки каких бы то ни было принципов, правил или теорем.

Во-первых, анализ этих властных механизмов, к которому мы приступили несколько лет назад и который продолжаем сегодня, — анализ этих властных механизмов никоим образом не является процессом общетеоретического исследования того, что есть власть: он не включён в него ни на правах одного из его направлений, ни хотя бы как начальный этап постижения объекта. В самом деле, нам нужно просто выяснить, где всё развёртывается, как это происходит, между кем и кем, между какими точками складывается взаимодействие, в каком технологическом режиме и с какими последствиями. Однако в таком случае, если наша работа и станет первым шагом в создании теоретической конструкции, а на большее мы и не рассчитываем, это будет начало не теории того, что есть власть, а теории власти: ибо власть для нас как раз не субстанция, не флюид, не нечто проистекающее отсюда или оттуда, но всего лишь совокупность механизмов и процедур, основная роль (функция и задача) которых — пусть они и не всегда с ней справляются — заключается не в чём ином, как в обеспечении власти. Тезис о том, что анализ властных механизмов запускает процесс построения некой теории власти, имеет смысл исключительно при условии, что власть мы понимаем именно так и только так — в качестве совокупности процедур.

Второе важное замечание: данные отношения, эта совокупность отношений или, пожалуй, лучше сказать, эта совокупность процедур, призванных соорудить, поддерживать в исправности и совершенствовать механизмы власти, — так вот, данные отношения не являются автогенетическими (В рукописи «автогенетическими» дано в кавычках. — Прим. ред.), автосубзистантными (В рукописи «автосубзистантными» также помещено в кавычки. — Прим. ред.), содержащими в себе свои собственные основания. Власть не основывается на самой себе и не обнаруживается из самой себя. Проще говоря, было бы ошибкой утверждать, что сначала существуют, допустим, производственные отношения, а затем в дополнение к ним — рядом или надстраиваясь — формируются властные механизмы, в задачу которых входит их модификация, видоизменение, наделение сферы производства большей прочностью, связностью и стабильностью. В обществе нет, скажем, отношений семейного характера с соответствующими механизмами власти в придачу, как нет и половых отношений, которые конституировались бы механизмами власти, расположенными рядом с пространством сексуальных связей или над ним. Во все подобного рода отношения властные механизмы входят как их неотъемлемая — попеременно занимающая позиции следствия и причины — составляющая, и это несмотря на то, что между присутствующими в производственных, семейных или сексуальных отношениях механизмами власти, разумеется, существуют связи взаимодействия, иерархической субординации, изоморфизма, функционального тождества или аналогии, а также генезиса, благодаря чему мы имеем возможность на законных основаниях рассматривать властную механику в качестве единого, неразрывного целого и анализировать её специфику применительно к данному моменту, данному периоду или данной сфере общественной жизни.

В-третьих, анализ этих отношений власти может, конечно, вылиться в нечто вроде глобальной теории общества, стать началом соответствующих теоретических исследований. Очевидно, изучение этих властных механизмов может осуществляться и в плане истории: к

примеру, экономических преобразований. Однако в конечном счёте, то, что я делаю — я не говорю: «то, на что я способен», ибо об этом мне ничего не известно (В тексте игра слов: «то, что я делаю» по-французски — «ce que je fais», а «то, на что я способен» — «ce pour quoi je suis fait». — Прим. пер.), — однако в конце концов то, что я делаю, не принадлежит ни истории, ни социологии, ни экономической науке. Оно так или иначе просто в силу объективных причин, должно иметь связь с философией, под которой я понимаю не что иное, как политику истины, поскольку у термина «философия», на мой взгляд, в сущности, нет других определений, кроме этого. Речь идёт о политике истины. И как раз потому, что речь идёт именно о ней, а не о социологии, истории или экономической теории, анализ механизмов власти в том смысле, какой я в него вкладываю, ставит перед собой цель показать работу знания, которое в нашем обществе является продуктом развёртывающихся здесь сражений, следствием столкновений и битв, и прежде всего порождением различных властных тактик как обязательных элементов этой борьбы.

Четвёртое замечание: на мой взгляд, не существует ни теоретического, ни просто аналитического дискурса, который бы в той или иной форме не пронизывался или не поддерживался чем-то подобным дискурсу императивности. Однако императивный дискурс, внедряющий в теорию установки типа «любите это», «ненавидьте то», «это хорошо», «то плохо», «будьте за это» и «не доверяйте тому», с моей точки зрения, является — по крайней мере, по своей сути — не чем иным, как эстетической дискурсивностью: он может найти себе основание только в предпочтениях эстетического порядка. Что же касается императивного дискурса, содержание которого резюмируется фразой «боритесь с этим такими-то и такими-то средствами», то он, поскольку отсылает к некой обучающей институции или даже к обычной инструкции, как мне кажется, весьма поверхностен. Во всяком случае размерность того, что нужно делать, может обнаруживаться, по-видимому, лишь в пространстве реальных сил, то есть в силовом поле, создаваемом отнюдь не самим говорящим субъектом и его словом: это поле сил, которое в принципе недоступно ни контролю, ни оценке в рамках данного дискурса. Следовательно, я хотел бы, чтобы императивы, лежащие в основании предпринимаемого нами теоретического анализа — поскольку та или иная императивность в этом анализе неизбежна, — были лишь условными императивами следующего вида: если вы намерены вести борьбу, вам нужно учитывать некие ключевые обстоятельства, видеть активность неких элементов, обратить внимание на некие преграды и препятствия. Иначе говоря, я хотел бы, чтобы данные императивы представляли собой не что иное, как предписания, касающиеся вопросов тактики. Предписания, в соответствии с которыми, разумеется, и мне, и всем остальным, кто занят такого рода работой, а значит, нам для осуществления продуктивного в тактическом смысле анализа необходимо знать, в каком поле реально действующих сил мы находимся. Но, в сущности, только тогда-то мы и входим в круговорот борьбы и истины, то есть в философскую практику.

И пятый, и последний, момент: это, на мой взгляд, глубокое, фундаментальное взаимодействие между борьбой и истиной, взаимодействие, на протяжении многих веков конституирующее саму размерность развёртывания философии, — так вот, в режиме полемичности, которая проникает внутрь теоретического дискурса, оно, такого рода взаимодействие, как мне кажется, всегда театрализуется, иссушается, теряет свой смысл и свою эффективность. И тут, в связи со всем этим, я предлагаю единственный императив, но

зато он будет категорическим и безусловным: никогда не занимайтесь политикой. [2] Ну что ж, а теперь я хотел бы начать этот курс. Итак, он называется «Безопасность, территория, население». [3]

Разумеется, первый вопрос, который здесь встаёт, — что можно понимать под «безопасностью?» Именно ему мне и хотелось бы посвятить этот час и, возможно, следующий: всё зависит от того, медленно или быстро я буду говорить. Вот пример, точнее, серия примеров или, лучше сказать, пример в трёх последовательных модуляциях. Он весьма прост, проще простого, но мы начнём с него, и, я думаю, это позволит мне разъяснить какое-то количество вещей. Возьмём элементарный закон уголовного права в форме запрета: скажем, «не убий» или «не укради» — вместе с соответствующим наказанием: допустим, казнь через повешение, изгнание или же штраф. Вторая модуляция: тот же — «не укради» — уголовный закон и по-прежнему в паре с неким числом наказаний, которые должны последовать в случае его нарушения. Однако теперь всё это оказывается помещённым в определённые рамки: с одной стороны, здесь начинает функционировать система различных наблюдений, проверок, действий по надзору и контролю, позволяющих заранее, до того как вор украл, определить, готов ли он совершить кражу, а с другой — если перенестись в сферу наказания, то последнее будет представлено уже не столько демонстративными и однозначными актами повешения, наложения штрафа или высылки, сколько особой практикой, а именно практикой заточения. В её пространстве виновный подвергается воздействию целой серии процедур, осуществляющих работу по его трансформации — трансформации, по существу, в режиме того, что называют пенитенциарными техниками: обязательного труда, воспитания, исправления и так далее.

И третья модуляция, основанная на той же матрице: возьмём тот же уголовный закон, те же наказания, те же ограничения в форме надзора, с одной стороны, и исправления — с другой. Но на этот раз применение данного закона, обеспечение профилактических мер, организация исправительных работ — всё это будет предполагать поиск ответов на ряд вопросов, которые являются вопросами следующего рода. Каков, скажем, средний показатель преступности того или иного [типа]? (У Фуко — «рода». — Прим. ред.) Как можно заранее определить приблизительное число краж в тот или иной период в обществе в целом, в городах и сельской местности, в данном городе, примерное количество преступников на каждую социальную группу и так далее? Во-вторых: в какие периоды времени, в каких регионах и при каких системах уголовного наказания этот средний показатель преступности возрастает или, наоборот, уменьшается? Сказываются ли кризисы, обнищание населения, войны, а также строгость или, напротив, мягкость наказаний на этой динамике? Ещё вопросы: эти преступления, допустим те же кражи или тот или иной тип краж, — во что они обходятся обществу, какие убытки приносят, какой недополученной прибылью оборачиваются и так далее?

Или другие вопросы: сколько стоит борьба с этими кражами? Что является более дорогостоящим — борьба жёсткая и непримиримая или не такая настойчивая, в виде разовых показательных акций, или менее заметная, но непрерывная? Какой, следовательно, оказывается для общества сравнительная цена краж и борьбы с ними, что будет дороже — незначительное ослабление контроля над ворами или опять-таки не очень серьёзное, но усиление противодействия воровству? Или ещё одна группа вопросов: когда виновный

пойман, стоит ли его наказывать? Во что нам может обойтись его наказание? Что нужно было бы сделать, чтобы это наказание влекло за собой перевоспитание? Действительно ли он поддаётся перевоспитанию? Существует ли — независимо от того, какому наказанию он подвергся и поддаётся он перевоспитанию или нет, — опасность его возвращения к преступной деятельности? Вообще говоря, возникающая здесь проблема заключается в том, что, в сущности, необходимо выяснить, как удержать тот или иной тип преступности — к примеру, то же воровство — в приемлемых в социально-экономическом плане границах и не допустить, чтобы его средний показатель превысил уровень, рассматриваемый нами в качестве, так сказать, оптимального для функционирования данного общества. Так вот, этими тремя модальностями, на мой взгляд, характеризуются вещи, которые мы уже смогли проанализировать, [и] вещи, к изучению которых я хотел бы приступить теперь.

Первая форма, и вам она известна, форма, предполагающая утверждение закона и фиксацию наказания для тех, кто его нарушает, — это система кода законности с бинарным разбиением на дозволенное и запрещённое и установлением, к чему, собственно, и сводится работа кода, связи между тем или иным типом запрещённого действия и тем или иным типом наказания. Здесь мы, следовательно, имеем дело с функционированием механизма законности или права. Вторая структура, при которой закон действует в границах процедур надзора и исправления и к которой я тоже не собираюсь возвращаться, — это, разумеется, механизм дисциплинарный. [4] Это дисциплинарный механизм, характеризующийся тем, что внутри бинарной системы кода обнаруживается третий персонаж, а именно виновный, в то время как вне неё, помимо акта полагания закона, заявляют о себе и судебный акт наказания виновного, и целый ряд связанных с ним детективных, медицинских и психологических техник, обеспечивающих процедуры контроля, диагностики и возможной обработки индивидов. Но всё это нам знакомо.

Третья форма указывает, по-видимому, уже не на код законности и не на дисциплинарный механизм, а на устройство безопасности, [5] то есть на совокупность явлений, которые я и хотел бы теперь рассмотреть. Речь идёт об устройстве, которое — если дать ему сейчас самую общую характеристику — осуществляет включение вышеупомянутого феномена, а именно воровства, в состав серии вероятных событий. Во-вторых, реакция власти на данный феномен на сей раз планируется не иначе, как в режиме калькуляции издержек. И наконец, в-третьих, место бинарного разделения на разрешённое и запрещённое здесь занимают сначала определение оптимальной для общества средней величины краж, а затем фиксация границ допустимого, выходить за которые показатели воровства не должны ни при каких условиях. В данном случае, таким образом, обнаруживается уже совсем иной расклад вещей и механизмов.

Почему я взял этот очень простой пример? Потому что я хотел бы сейчас указать на две-три вещи, которые, на мой взгляд, должны быть совершенно ясными и для вас, и, разумеется, в первую очередь для меня самого. На первый взгляд, я предложил вам, если угодно, нечто вроде крайне абстрактной исторической схемы. Система законности — это архаический аппарат уголовного права, каким он заявляет о себе начиная со Средневековья и заканчивая XVII-XVIII столетиями. Вторая система — которую можно, пожалуй, назвать «новоевропейской» — утвердилась с XVIII века, а третья — будем именовать её «современной», — хотя её предпосылки и начали складываться достаточно рано,

оформляется сегодня в связи с появлением новых видов карательных мер и развитием процедуры калькуляции издержек наказания: речь идёт о техниках, используемых в настоящее время не только в Америке, [6] но и в Европе. Однако я думаю, что употреблять здесь термины «архаическое», «старое», «новоевропейское» и «современное» — значит упускать из виду нечто существенное. Мы упускаем тут существенное, разумеется, прежде всего потому, что кажущиеся нам более поздними образования, вне всякого сомнения, уже содержатся в названных мной старых формах.

Стоит обратиться к системе правовой законности, которая функционально доминировала по крайней мере вплоть до XVIII века, как становится совершенно очевидным: в ней безусловно присутствует дисциплинарная составляющая. Присутствует, ибо вообще-то, когда тому или иному деянию, даже, но и особенно если внешне оно было малозначительным, не имеющим серьёзных последствий, назначалось так называемое примерное наказание, это было как раз свидетельством того, что власть хотела осуществить исправительное воздействие если не на самого виновного — в ситуации с его повешением ни о каком исправлении речи, конечно, не идёт, — [то уж во всяком случае на публику] (М. Фуко говорит: «зато исправление, исправительное воздействие были явно адресованы публике». — Прим. ред.). В этом плане можно сказать, что практика примерного наказания предполагала исправительную и дисциплинарную технику. W точно так же, когда в данной системе крайне сурово наказывали за кражи из домов (за некоторые преступления такого рода виновных даже подвергали смертной казни), кражи, — если только они не совершались кем-либо из принимаемых в доме гостей или домашней прислужкой, — наносившие весьма незначительный урон владельцу имущества, тем самым, очевидно, боролись с преступлениями, вызывающие тревогу, в сущности, только высокой степенью своей вероятности, а следовательно, у нас есть основания утверждать, что здесь обнаруживается также и нечто подобное механизму безопасности. То же самое можно [сказать] (У Фуко — «взять». — Прим. ред.) и по поводу дисциплинарной системы: она тоже имеет целый набор характеристик, типичных для порядка безопасности. По существу, когда берутся за дело исправления преступника, осуждённого, его пытаются исправить постольку, поскольку он может взяться за старое, стать рецидивистом, иными словами, учитывая то, что очень скоро назовут исходящей от него угрозой. Но это как раз и свидетельствует о функционировании тут механизма безопасности.

Таким образом, думать, что дисциплинарные механизмы начинают формироваться в XVIII веке, было бы явным упрощением: они работают уже в пространстве кода правовой законности. И точно так же весьма старыми являются и механизмы безопасности. Можно, по-видимому, сказать и иначе: если взять устройства безопасности в том виде, в каком они развиваются в современную эпоху, то совершенно очевидно, что их наличие никоим образом не отменяет и даже не ограничивает работу структур правовой законности или дисциплинарных механизмов. Наоборот: посмотрите, что происходит в настоящее время в системе уголовного наказания, в данной структуре безопасности. Количество законодательных мер, декретов, распоряжений, циркуляров, посредством которых вводятся механизмы безопасности, — это количество стало уже необъятным, и оно постоянно увеличивается.

Вообще-то, в Средние века и в классическую эпоху относящийся к воровству код законности, как правило, был относительно простым. А если теперь обратиться ко всей совокупности законов, которые касаются не только обычных краж, но и краж, совершаемых детьми, уголовного статуса детей, ответственности при определённых психических состояниях, — всей совокупности законов, имеющих отношение к тому, что как раз называют предохранительными мерами, надзором за индивидами со стороны тех или иных институтов? В её лице мы имеем дело с поистине невиданной активизацией сферы права, поразительным разбуханием кода правовой законности, призванного обеспечить функционирование этой системы безопасности. Но точно так же установлением такого рода механизмов безопасности со всей однозначностью приводится в действие и активно поддерживается и дисциплинарная система. Ибо в конце концов, чтобы действительно гарантировать эту безопасность, нельзя не использовать, к примеру — и это на самом деле только пример, — целый ряд техник надзора, наблюдения за индивидами, определения того, что они собой представляют, классифицирования их психических структур, диагностики свойственных им патологий и так далее, то есть целый арсенал дисциплинарных приёмов, которые размножаются в условиях функционирования механизмов безопасности и со своей стороны позволяют им успешно функционировать.

Стало быть, перед вами вовсе не последовательность, где элементы сменяют друг друга таким образом, что появление нового оборачивается исчезновением предыдущего. Эпох правового, дисциплинарного и безопасности не существует. У вас нет механизмов безопасности, замещающих дисциплинарные механизмы, которые в свою очередь заменяли бы собой механизмы правовой законности. В сущности, перед вами ряд сложных систем, где с переходом от предыдущей к последующей трансформируются, совершенствуются, во всяком случае усложняются, разумеется, и сами техники как таковые, но главное — претерпевает метаморфозу доминанта или, точнее, структура корреляции между механизмами правовой законности, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности. Иначе говоря, вы получаете историю, которая является именно историей техник.

Например, техника одиночного заключения, помещения в одиночную камеру представляет собой дисциплинарную технику. Вы вполне можете заняться её историей, и вам станет ясно: эта история начинается очень давно. Вы обнаружите, что данная техника активно применяется уже в период правовой законности, вы столкнетесь с тем, что её используют в отношении людей, имеющих долги, вам откроется, что особую роль она играет в религиозных структурах. Тогда, поскольку вы занимаетесь её историей (то есть [историей] её различных применений, её использования), вы установите, с какого момента эта дисциплинарная техника одиночного заключения берётся на вооружение в системе общего уголовного права, вы увидите, какие конфликты она порождает, и заметите, как постепенно сокращается сфера, где к ней прибегают. Можно было бы проанализировать и технику безопасности, к примеру статистический учёт преступлений. Статистика правонарушений — детище не наших дней, но и не слишком давнего прошлого. Во Франции она зарождается в 1826 году с началом издания знаменитых «Отчётов Министерства юстиции». [7]

Итак, вы можете заниматься историей этих техник. Однако есть и другая история, касающаяся уже технологий: это гораздо более общая, но вместе с тем и значительно менее

определённая история корреляций и систем доминант, в пространстве которой в том или ином обществе и применительно к той или иной его сфере (ибо различные сферы определённого общества, определённой страны в любой период времени развиваются далеко не одинаковыми темпами), скажем, технология безопасности конституируется не иначе, как включая в себя и заставляя функционировать в характерном для неё режиме юридические и дисциплинарные элементы, причём количество подобных элементов здесь порой даже имеет тенденцию к увеличению. И именно такого рода динамику — опять-таки в области карательных мер — демонстрирует нам наша современность. Если обратиться к эволюции общества в самое последнее время и посмотреть, каким образом в нём не только продумывается, но и практикуется система наказаний, то становится очевидным, что на данный момент — и на протяжении уже ряда, по крайней мере десятка, лет — всё это делается в границах проблематики безопасности.

Экономика, экономическое отношение между ценой борьбы с преступностью и ценой ущерба, наносимого преступлениями, — вот, в сущности, вопрос, который является здесь основным. Однако очевидно и другое: данная ориентация на безопасность привела к такому злоупотреблению дисциплинарными техниками, существовавшими в течение уже весьма длительного времени, что общество охватило если не возмущение, то во всяком случае сильное беспокойство — для него этот удар оказался достаточно серьёзным, чтобы вызвать с его стороны вполне осязаемую бурную ответную реакцию. И это была реакция именно на размножающуюся дисциплинарность. Иначе говоря, в период утверждения механизмов безопасности пусть и не социальный взрыв, ибо взрыва всё же не произошло, но тем не менее предельно явные, безусловные столкновения в обществе были спровоцированы не чем иным, как дисциплинарным. Так вот, в рамках этого учебного года я как раз хотел бы попытаться показать вам, в чём заключается данная технология, точнее, некоторые из данных технологий [безопасности] (У Фуко — «дисциплинарных». М. Фуко добавляет: «и которые являются [следующее слово в звукозаписи расшифровать не удаюсь]». — Прим. ред.), имея в виду, что все они по большей части предполагают реактивацию и трансформацию техник правовой законности и дисциплинарных техник, проанализированных нами в предшествующих курсах.

Чтобы указать на новый аспект проблемы и представить её в обобщённом виде, коротко остановлюсь на другой группе примеров (они принадлежат к разряду тех иллюстраций, к которым мы обращались уже множество раз). Возьмём, если угодно, исключение прокаженных в Средние века вплоть до конца Средневековья. [8] Оно осуществлялось в первую очередь (я не касаюсь здесь менее значимых обстоятельств дела) посредством системы юридических законов и регламентов и комплекса религиозных установлений, которые так или иначе определяли бинарное разделение людей на прокаженных и тех, кто ими не является. Второй пример — чума (я вам о ней рассказывал, [4] поэтому буду немногословным). Касающиеся чумы нормативные документы в том виде, в каком они разрабатываются в конце Средних веков, в XVI, а также XVII веков, оказываются совершенно иными: они имеют иной характер, потому что преследуют абсолютно другую цель, а главное — предполагают абсолютно другие средства её достижения.

В них речь идёт о необходимости чёткого разделения охваченных чумой регионов и городов на участки, однозначно определяется, когда, в какие часы, и каким образом население

может покидать их территорию, как должно вести себя дома, чем питаться, каких контактов избегать, и подчёркивается, что люди обязаны обеспечивать доступ в свои жилища инспекторам, контролирующим тот или иной участок. В данном случае мы явно имеем дело с системой дисциплинарного типа. И третий пример (он рассматривается сейчас на семинаре) — оспа, в борьбе с которой начиная с XVIII века прибегают к практике прививок. [10] Здесь проблема снова заявляет о себе совсем по-другому: самое существенное заключается уже не в подчинении населения дисциплине, хотя дисциплинарные практики и продолжают использоваться, а в определении того, сколько людей и в каком возрасте заражено болезнью, каковы последствия заражения, какова смертность, какой ущерб здоровью болезнь наносит и какие осложнения вызывает, насколько опасны прививки, каковы вероятность заразиться и вероятность умереть, несмотря на вакцинацию, какова общая статистика воздействия оспы на население. Короче говоря, теперь в центре внимания уже не вопросы исключения, как в ситуации с проказой, и карантина, как в случае с чумой, но крайне сложная проблема эпидемий и медицинских мероприятий, посредством которых пытаются справиться с эпидемическими или эндемическими формами заболевания.

Но обнаруживая и здесь, что новоевропейские механизмы безопасности включают в себя законодательную и дисциплинарную составляющие, мы снова убеждаемся: последовательности «закон — дисциплина — безопасность» не существует. Её не существует, ибо безопасность развёртывается как движение, в рамках которого к собственным механизмам предохранения добавляются и тут же приводятся в действие старые базовые структуры закона и дисциплины. Следовательно, в, так сказать, наших, западных обществах и в области права, и в области медицины — а предметом анализа тут могут быть различные социальные сферы (собственно, чтобы продемонстрировать это, я и привёл данную группу примеров с медицинской практикой) — мы так или иначе сталкиваемся с эволюционными процессами, в чём-то похожими друг на друга, с трансформациями, в чём-то однотипными. Речь идёт о появлении технологий безопасности, складывающихся внутри приспособлений самого разного вида: будь то механизмы, которые действуют, в сущности, в пространстве социального контроля, как в ситуации с наказанием, или механизмы, призванные модифицировать биологическое существование людей. Но тогда, и это главный вопрос, на который мне хотелось бы ответить, можно ли утверждать, что именно из порядка безопасности и вытекает общая экономия власти в наших обществах? Чтобы разобраться с данной проблемой, я хотел бы предложить здесь своего рода историю технологий безопасности и определить, насколько правомерно вести речь об обществе безопасности как таковом. А под ним я понимаю социум с такой властью, общая экономия которой либо имеет форму технологии безопасности, либо по крайней мере существенно зависит от этой технологии.

Итак, несколько главных признаков данных устройств безопасности. Я не знаю, сколько такого рода признаков всего, но мне хотелось бы выделить четыре... Словом, как бы то ни было, я представлю вам некоторые из них. Я хотел бы, во-первых, кратко, ибо это будет всего лишь беглое описание, остановиться на том, что можно было бы назвать пространствами безопасности. Во-вторых, проанализировать проблему обращения со случайным. В-третьих, рассмотреть способ нормализации, который характерен для безопасности и который, на мой взгляд, отличен от способа нормализации в дисциплинарном режиме. И, наконец, подойти к тому, что станет для нас ключевым

вопросом этого учебного года, к связи между феноменами техники безопасности и населения, занимающего по отношению к механизмам предохранения сразу и объектную, и субъектную позиции; причём речь пойдёт о возникновении населения не только как понятия, но и как реальности. В сущности, эта идея и эта реальность, безусловно, являются абсолютно новыми по сравнению с эмпирическими и теоретическими понятиями политического знания и политическими реалиями периода, предшествующего XVIII веку.

Ну что же, сначала в общих чертах о проблеме пространства. На первый взгляд, мы можем воспользоваться здесь следующей схемой: суверенитет осуществляется в границах некоторой территории, дисциплина реализуется на телесности индивидов, а безопасность охватывает множество народонаселения. Границы территории, тела индивидов, совокупность жителей... Да, хорошо... Но тем не менее эта схема неудачна, и, я думаю, она не годится. Она не годится прежде всего потому, что проблематика множества встаёт также и в связи с суверенитетом, и в связи с дисциплинарностью. И если верно, что суверенитет вписывается в определённую территорию и заявляет о себе главным образом в её рамках и что в конце концов идея суверенитета над незаселённой территорией оказывается не только юридически и политически приемлемой, но и безоговорочно принимаемой в качестве необходимой, то справедливо и другое: на деле осуществление суверенитета, осуществление, взятое в его действительном, реальном, повседневном развёртывании, разумеется, всегда предполагает некое множество, которое выступает не чем иным, как множеством либо подданных, либо народа.

Точно так же и дисциплинарное, конечно, реализуется на телесности индивидов, но, как я пытался вам показать, в сущности, индивид не является для него чем-то изначально данным. Дисциплина существует лишь в той мере, в какой есть множество и есть проблемы и задачи, решаемые именно на этом уровне функционирования социума. Дисциплина школьная, армейская, а также уголовно-правовая, дисциплина в мастерских и на заводах — всё это своего рода средства управления множеством, средства подчинения его элементов тому или иному режиму размещения, отношений координации, горизонтальных и вертикальных связей и перемещений, иерархических зависимостей и так далее. Следовательно, с точкой зрения, что индивидное предшествует множественному, согласиться трудно: скорее наоборот, как раз множество предшествует индивидному, ибо индивиды — не что иное, как продукт дисциплинарной обработки множества. Дисциплинарное занято дифференциацией множественности, и думать, будто оно представляет собой силу, которая создаёт множественное, предварительно создав для него индивидов с их индивидуальностью, — значит допускать ошибку. Таким образом, и суверенитет, и дисциплина, и, безусловно, безопасность, в общем-то, могут иметь дело только с множествами.

И вместе с тем эти три формы социального устройства объединяет и проблематика пространства. В случае с суверенитетом она очевидна, ибо суверенитет с самого начала представляет собой нечто реализующееся в границах определённой территории. Однако пространственное распределение предполагается и дисциплиной, а также, на мой взгляд, и безопасностью. И именно об этом, об этих различных типах обработки пространства суверенитетом, дисциплинарностью и безопасностью я и хотел бы теперь поговорить. Возьмём в данной связи ещё один ряд примеров. Разумеется, я имею в виду ситуацию с

городами. Даже и в XVII и в начале XVIII века город обладал атрибутами, со всей определённой свидетельствующими о принципиальном отличии городского пространства от других зон и областей той или иной территории как в правовом, так и в административном отношениях. Далее, городское пространство было ограниченным, обнесённым стеной, которая выполняла отнюдь не только военно-оборонительную функцию. И, наконец, город весьма существенно отличался от сельской местности также и в социально-экономическом плане.

Но в XVII–XVIII веках всё это вызвало целую массу проблем. Во-первых, особый правовой статус города серьёзно осложнял работу органов динамично развивавшейся в данный период системы государственного управления. Во-вторых, ограниченность окружённого стенами городского пространства препятствовала расширению предпринимательской активности горожан, а в XVIII веке — ещё и строительству нового жилья для растущего городского населения. Более того, в условиях прогресса военной техники она создавала значительные трудности для организации эффективной обороны городов от войск неприятеля. И, в-третьих, замкнутость, изолированность города в немалой степени мешала жизненно необходимому для него экономическому обмену с ближайшим окружением, а также установлению торговых связей с территориями более отдалёнными. Вообще говоря, относительно городов перед XVIII века стояла одна основная задача — вывести их из состояния пространственной, правовой, административной и экономической обособленности, найти им место в пространстве обращения. И здесь я отсылаю вас к весьма обстоятельному и глубокому историческому исследованию: к работе Жан-Клода Перро, посвящённой городу Кан XVIII столетия. [11] В ней он показывает, что проблема данного города — это, по сути дела, главным образом проблема именно обращения.

Возьмём текст середины XVII века, написанный человеком по имени Александр Леметр и озаглавленный им «Метрополитея». [12] Этот Александр Леметр был протестантом, который покинул Францию ещё до отмены Нантского эдикта и который стал, заметьте, главным инженером курфюрста Бранденбургского. И «Метрополитею», книгу, изданную в Амстердаме, он посвятил шведскому королю. Протестантизм, Пруссия, Швеция, Амстердам — все это для нас немаловажно. А главный вопрос «Метрополитен» заключается в следующем: нужна ли стране столица и, если да, то какими характеристиками такого рода город должен обладать? В процессе исследования Леметр приходит к выводу, что, в сущности, государство предполагает наличие трёх элементов, трёх классов или, как он ещё говорит, трёх сословий. Первое сословие образуют крестьяне, второе — ремесленники, а третье, и это весьма любопытно, — монарх и находящиеся у него на службе чиновники. [13] В связи с тремя данными элементами государство должно быть подобным зданию. Располагающийся в земле, под землёй фундамент здания, который мы не видим, но который обеспечивает прочность сооружения, — это, конечно, крестьяне. Предназначенные для общего пользования части постройки, служебные помещения — это, разумеется, ремесленники. Что же касается частей «благородных», помещений для проживания и приёма гостей, то их функции соответствует функция чиновников государя и самого монарха. [14]

В соответствии с этой архитектурной метафорой территория страны также должна иметь фундамент, места общего пользования и «благородные» части. Фундаментом в данном

случае будет сельская местность, и нет нужды говорить, что в ней надлежит жить крестьянам, и только крестьянам. В небольших городах, этих служебных помещениях, обязаны селиться ремесленники, и только ремесленники. И, наконец, в столице, «благородной» части здания государства, должны проживать монарх, его чиновники и те из ремесленников и торговцев, в ком непосредственно нуждаются двор и окружение государя. [15] Отношение между столицей и остальной территорией, с точки зрения Леметра, обладает разными измерениями. У него должно быть измерение геометрическое: в том смысле, что хорошая страна — это, в общем и целом, страна, имеющая форму круга, и столица обязана находиться не иначе, как в его центре. [16] Если бы она располагалась на краю вытянутых и к тому же с изрезанными границами владений, ей не удалось бы выполнять все возлагаемые на неё функции. А следовательно — и здесь обнаруживается его второе измерение, — необходимо, чтобы отношение столицы к территории было ещё и эстетическим, и символическим. Столица должна представлять собой подлинное украшение земли. [17] Но это отношение не может не быть также и политическим, ибо предполагает, что система исходящих от монарха основных законов и установлений охватывает всю страну: вне сферы её действия не находится ни один, даже самый отдалённый, уголок королевства. [18]

Столице надлежит играть и нравственную роль, то есть способствовать повсеместному распространению достойных норм жизни и правил поведения людей. [19] Она обязана подавать пример добронравия. [20] Главный город должен быть резиденцией самых лучших и самых популярных проповедников, [21] а также средоточием академий, приобщающих к истине и научным знаниям население остальной части государства. [22] И, наконец, нельзя упускать из виду и её экономическую функцию: важно, чтобы столица была городом роскоши, притягивающим к себе потоки иностранных товаров, [23] и в то же время местом осуществляемого посредством торговли перераспределения некоторого количества продукции, производимой на фабриках, мануфактурах и тому подобное. [24]

Давайте оставим в стороне утопичность этого проекта — он интересен для нас тем, что, как мне кажется, и общее описание города, и рассуждения о его характеристиках представлены здесь, по существу, в терминах суверенитета. Иными словами, первостепенное значение в данном случае, по сути дела, придаётся отношению суверенитета к территории, и именно на этом основывается подход к пониманию того, какой должна быть столица и каким образом она может и обязана осуществлять свои функции. И, между прочим, надо признать, что картина устройства городов, их роли в качестве экономических, духовных, административных и прочих центров в рамках такого рода ориентации на верховную власть как на главную проблему оказывается довольно любопытной. Но самым любопытным всё-таки является замысел Леметра связать вопрос политически эффективного суверенитета с вопросом пространственного распределения. Хороший суверен, всё равно: индивидуальный он или коллективный, — это тот, кто удачно размещён в пределах некоей территории, а территория, которая хороша в качестве объекта властного воздействия со стороны суверена, — это та, что не имеет изъянов в плане своей пространственной композиции. И вот эта идея политически эффективного суверенитета оказывается здесь неотделимой от идеи интенсивного обращения: мыслей, волеизъявлений и распоряжений, а также товаров.

В сущности, согласно Леметру — и такого рода взгляд на вещи принадлежит одновременно как старой (поскольку речь идёт о верховенстве), так и новоевропейской (поскольку принимается во внимание обращение) эпохам, — нужно примирить в едином целом государство суверенитета, государство территориальное и государство торговое. Нужно связать их так, чтобы они взаимно усиливали друг друга. Разумеется, здесь надо вспомнить, что в этот период в этой части Европы царствует меркантилизм или, точнее, система камерализма. [25] А отсюда главная проблема, которая заботит мыслителей: как посредством торговли обеспечить наивысший уровень экономического развития страны в рамках системы твёрдого суверенитета. В общем и целом Леметр пытается установить, как может быть создано хорошо капитализированное государство, то есть хорошо выстроенное вокруг столицы (Говоря о «капитализации», Фуко, разумеется, отсылает не только к слову «капитал» (capital), но и к слову «столица» (capitale). — Прим. пер.), резиденции верховной власти и центра политического и торгового оборота. И, очевидно, можно, поскольку в конце концов этот Леметр был главным инженером курфюрста Бранденбурга, — очевидно, можно обнаружить преемственность между такого рода идеей, идеей правильно «капитализированной» (Кавычки присутствуют в рукописи курса (р. 8). — Прим. ред.) страны, и концепцией замкнутого торгового государства Фихте, [26] иначе говоря, проследить эволюцию камералистского меркантилизма в направлении немецкой национальной экономической теории начала XIX века. Как бы то ни было, основные характеристики столичного города в данном тексте рассматриваются в связи с отношениями контроля суверенитета над определённой территорией.

Теперь я возьму другой пример. В принципе, здесь можно было бы обратиться к тому же региону, то есть к Северной Европе, которая самым серьёзным образом привлекала политическую мысль XVII века, в особенности политическую теорию. Данный регион охватывает побережье Северного и Балтийского морей и простирается от Голландии до Швеции. В этой связи мы могли бы взять примеры шведских Христиании [27] и Гётеборга. [28] Но я обращусь к Франции. Здесь, как и на Севере Европы, в эпоху Людовика XIII и Людовика XIV было построено несколько искусственных городов. [Возьмём совсем маленький городок] (У Фуко — «Я беру пример совсем маленького городка». — Прим. ред.) под названием Ришельё, который воздвигли на границе Турени и Пуату. Его построили абсолютно с нуля. [29] Там, где ничего не было, возводят город. И как его возводят? За образец берут организацию римского лагеря, которую в эту эпоху вновь стали использовать в качестве наиболее важного средства реализации дисциплинарности в военном деле.

Причём в конце XVI — начале XVII века дисциплинаризация армии путём внедрения римских принципов устройства лагерей, а также введения учений, упорядочения структуры подразделений и установления коллективного и индивидуального контроля над военнослужащими осуществлялось как раз в протестантских странах, а значит, прежде всего в государствах Северной Европы. [30] Однако эту форму лагеря используют не только при возведении Христиании и Гётеборга, но и при строительстве Ришельё. А она достаточно интересна. В самом деле, в предшествующем случае, в случае с «Метрополитеей» Леметра, планировка города привязана к более общей, более глобальной категории территориальности. Город должен был соответствовать макрокосму, который в свою очередь — ибо государство само воспринималось как сооружение — выступал неким гарантом городского устройства. И отношение между городом, суверенитетом и

территорией осмыслялось именно сквозь призму этого взаимодействия макро- и микрокосма. Теперь же, в ситуации городов, создаваемых по образцу лагеря, город соотносят не с большим по сравнению с ним, не с территорией, но прежде всего с меньшим, чем он, — геометрической фигурой, которая является своеобразным архитектурным модулем, а именно квадратом или прямоугольником, разделёнными крест-накрест на более мелкие прямоугольники или квадраты.

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что по крайней мере в случае Ришельё, как и в случаях хорошо оборудованных лагерей и правильно построенных зданий, эта фигура, этот модуль используется не только во имя реализации принципа симметрии. Конечно, ось симметрии здесь имеет место, но она заявляет о себе в определённых границах и обнаруживает свою функциональность благодаря точно рассчитанной асимметричности. В городах, подобных Ришельё, вы найдёте медиальную улицу, явно делящую прямоугольник города в целом на две прямоугольные части, и улицы двух типов: те, что параллельны этой улице-медиане, и те, что перпендикулярны ей. Однако ближайшие улицы того или иного типа находятся на разных расстояниях друг от друга: какие-то рядом, какие-то дальше. И в результате город оказывается разделённым на прямоугольники, но прямоугольники, одни из которых являются большими, а другие маленькими, и вы можете обнаружить их градацию от самого крупного до самого мелкого. Самые большие из них, являющиеся таковыми вследствие значительных промежутков между улицами, располагаются на одном конце города, а самые маленькие, образованные густой уличной сетью, — на противоположном. Где же должны жить люди? Как раз в зоне больших прямоугольников, там, где улицы широкие и пересекаются сравнительно редко. А там, где такого рода пересечения гораздо более часты, необходимо разместить магазины, мастерские ремесленников, лавки, а также рыночную площадь. И этот торговый квартал — здесь хорошо видно, как проблема обращения [...] (Эта часть фразы не окончена. — Прим. ред.): чем больше коммерческих предприятий, тем значительней обращение, чем многочисленней коммерсанты, тем больше должно быть места на улицах и возможностей свободно перемещаться по ним, — этот торговый квартал с одной своей стороны завершается церковью, а с другой — складами товаров.

Что же касается зоны проживания, жилого квартала, области более значительных прямоугольников, то там будут две категории зданий: дома, которые передними фасадами выходят на главную улицу или улицы, параллельные ей, и которые имеют, по-моему, три этажа и мансарду, и дома, находящиеся на улицах, перпендикулярных главной, и являющиеся двухэтажными (очевидно, что различие этих двух категорий жилья предполагает разницу в социальном статусе, имущественном положении и тому подобном его обитателей). Я думаю, что данная схема весьма полно выражает идею дисциплинарной обработки множественности в пространстве, то есть создания пустого и замкнутого пространства, внутри которого учреждаются искусственные множественности, формируемые в соответствии с тремя основными принципами: субординации элементов, тесной взаимосвязи между элементами разного уровня и эффективного выполнения тем или иным распределением соответствующей функции, будь то обеспечение торговли или организация проживания. В случае Леметра и его «Метрополитен» речь шла в конечном счёте о «капитализации» (Слово поставлено в кавычки М. Фуко. — Прим. ред.) территории. Теперь же нужно говорить об архитектуризации пространства. Дисциплинарность

принадлежит порядку здания (в широком смысле этого слова).

А теперь третий пример; и я хотел бы, чтобы это был пример действительного обустройства городов в XVIII веке: речь идёт о городах, уже существовавших к тому времени. Так вот, случаев такого рода обустройства было достаточно много, но я возьму только один из них — случай Нанта, исследованный, кажется в 1932 году, неким Пьером Лельевром, который приводит в своей работе различные проекты композиции, планировки этого города. [31] Город весьма крупный, поскольку, с одной стороны, быстро прогрессирует как торговый центр, а с другой — в силу его тесных связей с Англией развивается по английскому типу. И для решения проблемы Нанта — а таковая, разумеется, возникла, — было необходимо расширить городские улицы, организовать городскую жизнь в соответствии с новым качеством экономики и новой административной ролью государства, наладить устойчивые связи города с деревней и, наконец, устранить препятствия для его дальнейшего роста. Я не буду подробно останавливаться на проекте — хотя и весьма симпатичном — архитектора по фамилии Руссо, [32] у которого родилась идея реконструировать Нант таким образом, чтобы его организующим началом стал своего рода бульвар для прогулок, имеющий форму сердца. Да, он мечтатель, но его идея тем не менее весьма показательна. Руссо, несомненно, решал проблему обращения, и именно потому, что городу надлежит быть его эффективной движущей силой, Нант и должен был напоминать сердце, которое обеспечивает кровообращение. Это может вызвать улыбку, однако архитекторы конца XVIII века. — Булле, [33] Леду [34] и другим, — в общем-то, ещё довольно часто будут следовать данному принципу: основой успешного осуществления функции является хорошая форма. В сущности же, замыслы, которые были реализованы, не имели в виду придание Нанту формы сердца. Таков, в частности, проект, представленный архитектором по имени Винье де Виньи, [35] — здесь вовсе не предполагаются ни строительство на расчищенном месте, ни использование некой функционально значимой символической формы. Нет, здесь предусматривается некоторое число вполне определённых и конкретных вещей.

Прежде всего прокладывание пересекающих город магистралей и достаточно широких улиц. Это было необходимо, чтобы решить четыре проблемы. Во-первых, проблему гигиены, вентиляции, ликвидации всех этих специфических зон аккумуляции болезнетворных миазмов, зон, которые неизбежно возникают в слишком тесных кварталах со скученным населением. Итак, проблему гигиены. Во-вторых, проблему внутренней торговли города. В-третьих, проблему сочленения уличной сети с внешней сетью дорог: торговцы должны без затруднений въезжать в город и выезжать из него, но при этом обязательно проходить таможенный контроль. И, наконец, — что являлось одной из наиболее важных задач, стоящих перед городами в XVIII веке, — так как экономический прогресс заставил разрушить городские стены (и теперь уже стало невозможным закрывать город по вечерам и контролировать пересечение его границ в ту или иную стороны) и так как в результате из-за наплыва бездомных, нищих, бродяг, правонарушителей, преступников, воров, убийц и так далее (проникавших в город, как всем было известно, из деревни [...]) (Несколько слов в звукозаписи расшифровать не удалось. — Прим. ред.) возросла угроза безопасности городской жизни, нужно было решить проблему надзора. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы организовать обращение, устранить его вредную сторону, разделить оборот хороший и оборот плохой, максимизировать первый и минимизировать второй. Речь, следовательно, шла и о налаживании контактов города с окружением, главным образом в отношении сферы

потребления и торговли с внешним миром. В этой связи была обустроена линия сообщения с Парижем, а также освоена река Эрдр, по которой в Нант из Бретани доставлялся использовавшийся для отопления лес.

И, наконец, в случае с проектом перестройки Виньи речь шла о необходимости найти ответ на фундаментальный и в то же время, как это ни парадоксально, достаточно новый для архитектуры вопрос, а именно: какой должна быть планировка города, чтобы она обеспечивала возможности его будущего развития? Здесь важно было учитывать, что для расширения торговли городскому населению не обойтись без обустройства набережных и оборудования того, что впоследствии стало именоваться доками. Город теперь ощущает себя растущим организмом. В нём постоянно нечто происходит, нечто возникает или обновляется. Что же нужно сделать, чтобы заранее подготовиться к процессам, которые нельзя предвидеть во всей их определённости? Проще всего было использовать берега Луары и построить на них максимально длинную, как можно более протяжённую пристань. Но чем больше вытягивается город в длину, тем менее организованным, связным и тому подобным становится его пространство. Можно ли успешно управлять крупным населённым пунктом, который имеет такого рода застройку, можно ли обеспечить эффективное обращение в крупном населённом пункте, для которого рост в длину — единственная форма увеличения его территории? И проект Виньи заключался в следующем: сначала сооружать пристани на одном берегу Луары и тем самым создавать условия для развития расположенных здесь городских кварталов, а затем, используя острова, возводить мосты с тем, чтобы создать условия для развития, обеспечить развитие кварталов на берегу противоположном.

Именно так предполагалось избежать постоянной застройки только одного из берегов реки и роста города исключительно в длину. Но в конце концов дело не в деталях запланированного обустройства. Я думаю, оно достаточно значимо, во всяком случае показательно по целому ряду причин. Во-первых, теперь уже нельзя говорить ни о каком строительстве в пустом или расчищенном пространстве, как в ситуации с, так сказать, дисциплинарными городами типа Ришельё или Христиании. Дисциплина работает в пустой, искусственной пространственной, которую сама же и создаёт. А безопасность опирается на некую вещественную данность: она ведёт работу с существующим размещением, с течением воды, с островами, с воздухом и так далее. Она, таким образом, отталкивается от данного. [Во-вторых] это данное не является объектом радикального переустройства с целью достижения некоего совершенства — совершенства, к которому стремились в случае с дисциплинарным городом. Теперь заботятся о том, чтобы по возможности максимизировать положительное, способствующее обращению, и, наоборот, минимизировать отрицательное, чреватое, к примеру, распространением воровства или болезней, отдавая себе, однако, отчёт, что полностью избежать нежелательного никогда не удастся. Здесь, следовательно, имеют дело как с естественной неизбежностью, так и с факторами, которые можно взять под контроль, но лишь в известных пределах. И эти пределы не могут быть устранены; тут, стало быть, учитывают вероятность (Термин «вероятность» в данном контексте указывает у Фуко именно на невозможность абсолютного достижения положительного и, соответственно, абсолютного устранения негативного. — Прим. пер.). В-третьих, во главу угла этих планов обустройства городов ставятся как раз вопросы специфического регулирования. Ведь что представляет собой обычная хорошая

улица? Конечно же, она неизбежно будет местом распространения разного рода миазмов, а значит, и болезней, но надо организовать её жизнь с учётом этого малоприятного обстоятельства. По ней, далее, будут перевозиться товары и вдоль неё разместятся магазинчики и мастерские.

Однако, кроме того, на неё могут наведываться воры, различные смутьяны и так далее. Жизнь города, таким образом, весьма многогранна, у неё есть положительные и отрицательные стороны, и его обустройство должно быть нацелено на поддержку именно положительного. И, наконец, четвёртый важный пункт. Все эти проекты принимают в расчёт динамику времени, иными словами, они исходят из представления о городе не как о застывшем в своём раз и навсегда обретённом совершенстве образовании, а как о живом организме, явно открытом будущему, которое тем не менее никто не стремится предсказать во всех его деталях — ведь такого рода предсказание заранее обречено на неудачу. Следовательно, правилом проектирования обустройства городов теперь становится не что иное, как внимание к тому, что может произойти. Короче говоря, на мой взгляд, в данном случае вполне уместно вести речь о технике, которая имеет прямое отношение к проблеме безопасности, то есть, в сущности, к проблеме серии. Неопределённой серии перемещающихся, циркулирующих элементов, будь то число X повозок, X прохожих, X воров или X миазмов (Здесь М. Фуко повторяет: «Неопределённой серии перемещающихся элементов...». — Прим. ред.). Неопределённой серии происходящих событий, будь то столько-то швартовок приплывающих судов или столько-то разгрузок прибывающих фургонов. Опять-таки неопределённой серии аккумулирующихся единиц, будь то такое-то количество жителей или такое-то количество домов. И именно управление такого рода открытыми последовательностями, которые как раз в силу своей открытости могут контролироваться только в режиме вероятности, — именно оно, как мне кажется, является достаточно типичным для механизма безопасности.

Подводя общий итог, можно сказать, что в то время как суверенитет капитализирует территорию, выдвигая в качестве главной проблему местопребывания правительства, а дисциплинарность сооружает пространство, заботясь в первую очередь о субординации элементов в их функциональном взаимодействии, безопасность ориентирована на обустройство среды в связи с событиями, точнее говоря, сериями событий, или возможных элементов, — сериями, которые нужно упорядочить в неоднозначных по своей природе и изменчивых условиях. Пространство, характерное для безопасности, отсылает, стало быть, к последовательности возможных событий, оно обращено к временному и случайному, и эти временное и случайное должны быть вписаны в него. И такого рода пространственность — пространственность, в которой развёртываются серии случайных элементов — представляет собой, на мой взгляд, нечто подобное тому, что называют средой. Разумеется, в биологии понятие среды — и вы это прекрасно знаете — появляется только с Ламарком. [36] Однако в физике оно к тому времени уже существовало и активно использовалось Ньютоном и его сторонниками. [37] Что же такое среда? Понятие среды необходимо, чтобы разобраться с воздействием на расстоянии одного тела на другое. Среда, следовательно, — это основа и стихия передачи действия. [38] Именно на передачу (обращение) и причинность, стало быть, ориентировано данное понятие среды.

Так вот, я думаю, что архитекторы, градостроители — первые градостроители XVIII века — к этому понятию, скорее всего, не прибегали: насколько мне известно, оно никогда не использовалось ими ни для описания городов, ни для характеристики обустраиваемой пространственности. И тем не менее, хотя в архитектуре того времени оно и отсутствовало, на мой взгляд, некая указывающая на него техническая схема, своего рода, если угодно, предвосхищающая его прагматическая структура, уже давала о себе знать в том способе, каким градостроители пытались осмыслить и модифицировать городское пространство. Понятие среды ещё не появилось, не сформировалось, а устройства безопасности уже ведут работу по её созданию, организации и облагораживанию. Среда, таким образом, есть то, в чём осуществляется обращение. Она представляет собой набор естественных (реки, болота, холмы) и искусственных (скопление индивидов, скопление домов и так далее) данностей. Её активность находит своё выражение в определённой динамике, являющейся совокупным результатом действия всего, из чего она, среда, состоит. Это стихия, внутри которой следствия и причины взаимнообратимы, ибо то, что выступает следствием в одном отношении, оказывается причиной в другом.

К примеру, чем большей является скученность населения, тем больше болезнетворных испарений и заболевших. Чем больше заболевших, тем, разумеется, значительней число умирающих. А чем значительней число умирающих, тем больше трупов и, следовательно, болезнетворных миазмов, и так далее. Именно этот феномен взаимобращения причин и следствий и обнаруживается в среде. И, наконец, среда предстаёт в виде сферы воздействия, которому подвергают индивидов, выступающих не в качестве совокупности наделённых самостоятельной активностью правовых субъектов, какими они являются в случае суверенитета, и не в качестве множества способных удовлетворять определённым, а точнее, требуемым характеристикам организмов, тел, какими они оказываются в ситуации с дисциплиной. Нет, данным воздействием пытаются охватить индивидов, составляющих не что иное, как население. А под ним я понимаю наличное множество людей, которые существуют, только будучи коренным образом, существенно, на биологическом уровне связанными с окружающей их материальностью. И то, на что ориентировано развёртывающееся в среде воздействие, — это именно обеспечение интерференции серии событий, являющихся продуктом активности такого рода индивидов, населения и образующих его групп, и событий, происходящих вокруг них.

На мой взгляд, здесь, в связи с этой поставленной городом технической проблемой, мы сталкиваемся — перед нами лишь одно его проявление, но можно обнаружить и множество других, и я к ним ещё вернусь, — мы сталкиваемся с феноменом вторжения «естественности» (В рукописи (р. 16) М. Фуко пишет в кавычках: «Возможно, заявление о том, что в данном случае мы имеем дело с вторжением «естественности» человеческого вида в поле властных техник, выглядит недостаточно осторожным. И тем не менее, если [раньше] эта «естественность» обнаруживалась главным образом в форме потребности, нехватки или слабости, болезни, то теперь заявляет о себе как место встречи множества индивидов, которые живут и работают, сосуществуя друг с другом и взаимодействуя с совокупностью окружающих их материальных элементов». — Прим. ред.) человеческого вида в искусственную среду. Это вторжение естественности вида в политическую искусственность властных отношений, с моей точки зрения, представляет собой нечто весьма существенное, и в заключение нашего разговора я просто сошлюсь на текст,

пожалуй, первого крупного теоретика того, что можно было бы назвать биополитикой, биовластью. Текст, правда, посвящён проблематике рождаемости, в то время, разумеется, одной из центральных, но в нём явно присутствует это понятие историко-природной среды как сферы властного воздействия, понятие, отнюдь не тождественное, на мой взгляд, ни юридическому представлению о суверенитете и территории, ни понятию дисциплинарного пространства.

В «Исследованиях о населении» Моо [39] по поводу искусственной и одновременно естественной среды — среды, где искусственное играет роль природы по отношению к населению, которое, обладая социально-политическими характеристиками, выступает, однако, также и в качестве вида — можно прочесть следующее: «Правительство может влиять на температуру воздуха и способствовать улучшению климата; почва и климат меняются, когда застаиваются воды, когда сажаются или, наоборот, выжигаются леса, когда под воздействием времени или активной обработки земли разрушаются горы. Течение времени, усталость земли и превратности физического порядка — вот причины того, что самые благоприятные для проживания кантоны стали территориями с высоким уровнем заболеваемости». [40]

И Моо вспоминает стих Вергилия, в котором речь идёт о замёрзшем вине, и спрашивает: разве могли бы мы сегодня увидеть в Италии вино, замёрзшее в бочках? [41] Так вот, если произошла данная трансформация, то дело не в изменении климата — дело в политической и экономической активности правительства, которое своими действиями модифицировало ход вещей в такой степени, что уже сама природа определила для человека новую среду обитания. (Я воспользовался здесь этим словом — «среда», хотя у Моо оно и не фигурирует.) В итоге Моо заявляет: «Если неведомое начало, которое формирует нравы и умонастроения, зависит от климата, жизненного уклада, обычаев, привычки к тому или иному поведению, то у нас есть основания утверждать, что государи — мудрыми законами, полезными установлениями, налоговыми ограничениями или их отменой, наконец, просто собственным авторитетом — управляют физической и нравственной жизнью своих подданных. И не исключено, что однажды можно будет употребить эти средства, чтобы придать нравственности и умонастроению нации желательную направленность». [42] Здесь, очевидно, мы снова обнаруживаем проблематику государя, но теперь государь — это уже не тот, кто контролирует определённую территорию, находясь в точке географической локализации верховной политической власти. Нет, теперь это тот, кто имеет дело с природой или, точнее, с интерференцией, постоянным влиянием друг на друга географической, климатической, физической среды и человеческого рода — рода, представители которого обладают телом и душой, живут физической [и] нравственной жизнью. И государь теперь обязан реализовывать свою власть в этой области соединения, где природа в смысле физических элементов взаимодействует с природой в смысле природы человеческого рода, в этой области, где среда становится детерминантой природного. Именно здесь должен находить суверен применение своим силам, и если он хочет изменить людей, ему надо уметь трансформировать среду. Я полагаю, что в данном случае перед нами один из ключевых, основополагающих моментов в процессе становления механизмов безопасности, а именно появление некоего проекта, некой политической техники, которая, по-видимому, оказалась обращённой к среде ещё до того, как понятие среды сформировалось в нашем мышлении.

Версия #1

Зверобой создал 27 января 2026 20:48:40

Зверобой обновил 27 января 2026 20:50:01